

Этой позиции отечественное пушкиноведение придерживалось до самого последнего времени, поскольку в академической коллективной монографии «Пушкин: Итоги и проблемы изучения» (1966) доводы Томашевского представлены как канонические [5, с. 285].

Литература

1. Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Мн., 1998.
2. Брюсов В. Я. Детство и отрочество Пушкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / под ред. В. Брюсова. Т. 1. Ч. 1. М., 1920. С. XXIII–XLVI.
3. Вересаев В. В. Загадочный Пушкин. М., 1996.
4. Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997.
5. Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.
6. Сурат И. З. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.
7. Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990.
8. Томашевский Б. В. Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина... // Русский современник. 1924. № 3. С. 262–263.
9. Утаенная любовь Пушкина: сб. ст. СПб., 1997. С. 53.
10. Ходасевич В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924.
11. Чулков Г. И. О биографии Пушкина // Книжные новости. 1936. № 21.
12. Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы. М., 1987.

УДК 821.161.1

Чжан Цзинна (г. Киров)

Вятский государственный университет

Природа в диалогии И. А. Новикова «Пушкин в изгнании»

В настоящей статье рассматривается роль пейзажа в диалогии И. А. Новикова «Пушкин в изгнании». Картины природы в романе иллюстрируют определенное душевное состояние героя, обрамляют линию повествования. Также в романе находят отражение ранние идеи Новикова о единстве человека и природы, включенности человека в мироздание.

Ключевые слова: пейзаж, природа, образ Пушкина, вдохновение, эмоциональное состояние, смысловая наполненность, символика цвета

До XVIII века пейзаж в художественном произведении выполнял роль фона, на котором происходили события. Его назначение сводилось к тому, чтобы «информировать читателей, когда и где происходят события, на каком свете мы, так сказать, находимся» [1, с. 595]. Постепенно пейзаж приобретает смысловую наполненность. В XIX веке описания природы уже не зависят от жанровой и стилевой принадлежности произведения; пейзаж в литературе XX века становится одним из средств передачи настроения, эмоционального состояния персонажей.

Пейзаж всегда занимал особое место в творчестве И. А. Новикова, так как его жизнь, начиная с раннего детства, была неразрывно связана с природой. В автобиографии он пишет: «Самые начальные воспоминания мои растворяются в зелени лета <...>. А радость весны? <...> Очарование зимней деревни не уступает прелести лета...» [3, с. 348]. Любовь к природе, особенное ее восприятие зарождается на родине писателя – в селе Ильково. Близость к земле накладывает определенный отпечаток на все творчество.

Исследователь Я. В. Волков называет Новикова мастером одухотворенного пейзажа. В ранних произведениях автора – по преимуществу выполненных в русле символизма – пейзаж всегда наполнен неким тайным смыслом, зачастую тесно связан с религиозными идеями. Так, особое значение имеют образы дня, ночи, весны, осени. Исследователь О. А. Попова отмечает, что день – «время торжества в мироздании сил добра, света и любви» [5, с. 197]. Ночное время символизирует темное начало. «Образ весны символизирует в произведении светлую пору любви, цветения, близости души к небу» [5, с. 197]. Осень же – время увядания. Пейзаж позволяет активно использовать символику цвета в произведениях. Голубой, белый, зеленый, розовый, золотой цвета «передают состояние наибольшей близости души к небу» [5, с. 199].

Особенно четко прослеживаются символистские идеи Новикова в его поэтических произведениях. Ранние стихотворения И. А. Новикова близки поэзии А. А. Блока: здесь также появляются некие создания природы, стремящиеся к единению с человеком. Языческие идеи соседствуют у Новикова с христианскими. Часто в стихотворениях прослеживается мотив воды как возрождения, очищения. Человек уподобляется дереву, корни которого глубоко в земле, а ветви тянутся к небесам. В поэзии Новикова природа «тиха, нежна и печальна» [2, с. 13], здесь нет крайностей. Природа у Новикова за-

частую олицетворяется, уподобляется живому существу. «В романе мы чувствуем эту новиковскую любовь к природе» [7, с. 128].

Идея романа о Пушкине возникла у Новикова во время поездки в Михайловское. Первое, на что автор обращает внимание, – это природа, на что и указывает в автобиографии: «Тот самый пейзаж, тот самый воздух, та самая земля под ногами, такие же запахи хвои и почвы, та же свежесть воды и бегущего на ней ветерка» [3, с. 354]. Во время поездок по пушкинским местам – в том числе и по местам южной ссылки – писатель накапливает впечатления, чтобы впоследствии воссоздать картины природы в романе.

В дилогии Новиков любит окружающую природу, дает подробные ее описания. Он умело делает акцент на деталях, порой незаметных, незначимых. Южная природа – величественная и безмятежная. Простор степи и моря становятся символом внутренней свободы, которую обретает поэт в изгнании. Ср.: «Южные степи однообразны, но не скучны. Как хороша эта поездка! Да – вдоль дороги везде молочай и полынь, ромашка, цикорий, но как же красив и простой серебристый ковыль, когда он под ветром стелет свои переливные легкие волны. Сверчки и кузнечики; трепетание бабочек – воздушных цветов; пчелы, шмели; чибисы; суслики» [4, с. 17]; «Но вот они уже и кончились – узкой полоской на горизонте сверкнуло Азовское море. Оно не было издали синим и бурным, казалось, спокойно дремало оно, полеживая у берегов, пригревшись на солнце, сизое, дымное, с перламутровым отсветом отражавшихся в нем облаков» [4, с. 22].

Возвращение на родину становится воссоединением с русской природой, возвращением к юности. Ср.: «Дорога шла в гору, и Пушкин не вытерпел, спрыгнул на ходу. Он подбежал и потряс серенький ствол. Несколько желтых плавных кружков, колыхаясь, упало на землю. Пушкин серьезно следил это падение. Потом его взгляд скользнул за опушку, в глубь леса, и он увидел отличную кочку, густо покрытую пышным игольчатым северным мхом. Мох был как детство: и зимою за окнами на пушистых валиках ваты, и весеннею ростепелью по мочажинам в лесу. Брови расправились; ему стало весело, беспричинно легко. Бездумно сложил он ладони у рта и гукнул совой, произведя переполох между мелкими пташками» [3, с. 26–27].

Определенный пейзаж у Новикова часто сопровождает соответствующее душевное состояние: «Берег уныл и безлюден, а самое море? – узкий рукав, побледневший и выцветший: кажется, можно его просто перебрести...

И невольно туманом ложилась на душу унылость» [4, с. 56]. «...Киев его пленял. Пленял и своей красотой, могучим Днепром, закованным в латы зимы крутыми горами, вековыми дубами и липами, и красавицей тополью, как тут называли нежно – по-женски...» [4, с. 180].

В романах дилогии находит отражение идея автора о единстве человека и природы, о включенности человека в мироздание. Ср.: «И человек, как и все живое вокруг, совершал свой размеренный каждодневный путь, и самая приподнятость, даже и возбуждение уже гармонично вздымались, находя свое место, как холмы между долинами созерцания и покоя; душевные ритмы мысли и чувства находили свое ладное соответствие с окружающим миром» [4, с. 29]; «Но что может быть веселее: быть молодым, вымокнуть на дожде и сохнуть на солнце! Так делают все: птицы и звери, травы, деревья...» [4, с. 80]. Пейзажные зарисовки часто встречаются в тексте, как бы обрамляя линию повествования, дополняя ее. Новиков проводит параллели между природными событиями и жизнью людей: так, он сравнивает бой горных баранов с дуэлью. Ср.: «...они наконец все же расцеплялись и расходились на некоторое время на одно и то же, как на настоящей дуэли, расстояние...» [4, с. 92].

В дилогии представлены все времена года, и каждое писатель представляет по-разному. Осенняя пора – время для размышлений: для напряженных мыслей и неторопливых раздумий. Зима, белый снег, морозный воздух символизируют возрождение, обновление. Ср.: «Чистый и девственный снег ровною пеленой покрывал все окрест. <...> Пушкин присел на подоконник и долго глядел на открывающуюся перед ним новую даль» [3, с. 163]; «Сквозь поредевшую чашу, как приближаешься к дому, издали виден кухонный дым, высоким столбом разрезающий воздух. Долгие звуки были хрустальны и медленны, они пролетали над озером, как неспешные птицы. Небо неярко, задумчиво, но задумчивость эта – явно о снеге» [3, с. 105]; «И как освещался весь дом, когда он входил с опушенными белым морозом бакенбардами, внося с собою свежесть зимнего воздуха и веселую шутку!» [3, с. 170].

Весна – пора пробуждения жизни. Ср.: «Весенняя талая ночь полна была невидимой жизни, движения вод» [3, с. 215]. Ранняя весна – солнечная, но спокойная. Писатель говорит еще о «кудрявой и шумной весне, с которой Пушкин плохо справлялся и которая уводила его от работы» [3, с. 202];

«Весна между тем продолжала тревожить и угнетать, и от одних этих своих ощущений впору было бежать из принудительного родительского гнезда» [3, с. 229]. Лето – пора зноя, страстных чувств. Ср.: «Так и пошли, один за другим, эти то солнечно жаркие, то тепло дождливые <...> дни» [3, с. 242]. Главный герой романа ассоциируется с летом. Ср.: «Пушкин на этом северном фоне был особенно ярок. Казалось, что знойное лето и юг <...> дышали сквозь его смуглую кожу» [3, с. 121]. На страницах диалогии представлено северное лето и лето на юге. Южная природа волнует героя. Ср.: «И в самой природе <...> был чудный беспорядок могучих порывов, застывших в минуту высокого напряжения. Все в ней было полно силы и страсти...» [4, с. 28].

В природе герой находит успокоение. Ср.: «Ветерок пробежал, чуть щекоча, по коротким его волосам. Эта прохлада очень приятна, в ней свежесть и бодрость; нельзя унывать» [4, с. 119]. Природа становится для главного героя источником вдохновения. Ср.: «...летняя ночь с пахучей и свежую своей широтой, и одинокий собственный шаг по дороге, и это сиянье луны, разлитое в травах, – все это было как чистое гармоническое вдохновение – без стихов и бумаги, но разлитое вольно окрест по всей прекрасной земле, и такое свое, как биение сердца в груди» [4, с. 241–242]; «Он то писал, то, бросая перо, подпирал обеими руками голову и глядел в открытое окно» [4, с. 81]. Морские волны сравниваются с поэтическими строчками; под «голос моря» [4, с. 62] создаются стихотворения. Ср.: «И в самой природе, по первому взгляду, был чудный беспорядок могучих порывов, застывших в минуту высокого напряжения. Все в ней было полно было силы и страсти, и все эти изломы, углы каждой отдельной горы были похожи на черновик какой-то горячей и бурной поэмы, волнующей уже одной этой своею незавершенностью» [4, с. 28]. Зимняя природа Михайловского тоже вдохновляет поэта. Ср.: «Дни идут за днями. Осень дышит в стекло по утрам, и струйки холодной воды сбегают прерывисто, судорожно: похоже на слезы. Но позднее солнце наводит порядок: дали опять прозрачно светлы и легки облака. Так и хмурость в душе сменяется творческой ясностью» [3, с. 71]; «Шла осень – пора, когда Пушкину особенно крепко работалось; пора, когда жаркое лето сменялось уже предвкушением мороза; так было и у него: уже была на пороге тишина одиночества, исполненная буйной внутренней жизни. И на грани этих двух стихий, сопутствующих всякому творчеству – внутреннего огня чувства и мысли и холодного ясного мастерства, – было похоже на то, как

поначалу отпотевают стекло, позже, в дыханье мороза, давая уже и узоры тропических знойных цветов» [3, с. 117].

Через пейзаж автор выражает также свои идеи, выводит определенные мотивы, которые находили отражение и в его раннем творчестве. Появляется мотив пути как символ течения жизни: так, Мария Раевская смотрит на «рыжую каменистую дорогу» [4, с. 78], утверждая, что эта дорога – ее. Дерево с кривыми корнями подобно человеку и его родственным связям. Ср.: «Кое-где корни берез, мокрые, черные обнажались клубками, налезая один на другой, как переплетенные пальцы. <...> это было как суровое, темное время, как сплетение событий, как предки...» [3, с. 96].

Можно проследить символику цвета. Ср.: «Едва уловимая августовская желтизна разлита была в воздухе. Розовые легкие облака летели над розовым своим отражением, но самые воды реки были, казалось, неподвижны» [3, с. 37]. Здесь, как и в раннем творчестве, розовый, желтый (золотистый) символизируют гармонию, близость к Богу – не случайно этот отрывок предваряет рассказ об Анне Вульф, жизнь которой сравнивается писателем с течением реки Сороть.

Мотив воды, влаги также по-разному реализован в романе. Это спокойная озерная гладь, быстрое или, напротив, неторопливое течение рек, морозящий дождь или смывающий все ливень. Ср.: «Град бил ему в лицо, волосы смокли, холодные капли скатывались за шею, но от этого было только еще веселей»; «Эта гроза пронеслась как ураган. Наутро умытое небо блистало такую глубокой, такую девической чистотой, что улыбались уже решительно все» [4, с. 27]. Главный герой в этой сцене как бы сливается со стихией, становится ее частью, что позволяет проиллюстрировать его живой, энергичный характер. Ср.: «Вечеру середь ясного неба появились тяжелые темные тучи. Возникли они как бы из ничего и тотчас же стремительно понеслись навстречу друг другу, сами на себя громоздясь, погромыхивая. Сразу земля затаилась, притихла, лошади беспокойно прядали ушами. И вдруг прокатился по небу оглушающий рокот; молнии взбороздили одновременно во многих местах; земля под блистанием их лежала обмершая, иссиня-фиолетовая, и сразу же на нее ринулся дождь, смешанный с градом... Ветер завыл, закрутил и забился, и в наступившей вдруг темноте небо, земля стали неразличимы» [4, с. 27]. Как и в раннем творчестве, природа у Новикова в романе – не разрушающее начало, а прекрасная в своем величии стихия.

Исследователь Т. М. Яковлева проводит параллель между образом Пушкина и мотивом солнца, солнечного света, который неоднократно появляется в романе. Данный мотив помогает передать «присущую ему [Пушкину] жизнерадостность, его полное до самозабвения умение отдаться мгновению, жить настоящим» [6, с. 129].

Пейзажные зарисовки в дилогии многочисленны и разноплановы. Посредством картин природы реализуются различные мотивы, которые появляются в раннем творчестве писателя. Пейзаж не только обозначает место действия, но и помогает раскрыть внутренний мир главного героя. Поэт находится в состоянии гармонии с окружающей природой, оказывается включенным в круговорот жизни, что позволяет сделать его образ более ярким, выразительным, глубоким.

Литература

1. Баева Н. А. Интертекстуальная сущность ландшафтных описаний в художественном тексте: на материале английской прозы. Кемерово: Интеллект, 2006. С. 594–600.
2. Михайлова М. В. И. А. Новиков: грани творчества. Орел: Изд. дом «Орловская литература и книгоиздательство» («ОРЛИК»), 2007. 232 с.
3. Новиков И. А. Пушкин в Михайловском: роман / послесл. М. Новиковой-Принц. М.: Сов. Россия, 1986. 368 с.
4. Новиков И. А. Пушкин на юге. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1986. 382 с.
5. Попова О. А. Образ дворянской усадьбы в рассказе И. А. Новикова «Петух» как арена мировой борьбы добра и зла // Лесной вестник. 2006. № 6. С. 197–201.
6. Яковлева Т. М. Образ поэта: Пушкин в историческом романе И. А. Новикова. Тбилиси: Заря Востока, 1962. 132 с.